

18 ЧЕРНОВИК ВЕЧНОСТИ

Стихотворения

ДАНИИЛ КРИВЕЛЬ

Даниил Кривель

Черновик вечности.

Стихотворения

<https://litres.ru/74274872>

ISBN 9785007067522

Аннотация

Эта книга — про то, как пахнет осенняя изба и скрипит старый вокзал. Про Россию не открыточную, а родную до боли. Про любовь, время, бетонные дома и утренний кофе. Стихи, которые хочется читать медленно — или просто оставить на столе, чтобы они дышали рядом. «Черновик вечности» — не попытка остаться в вечности. Это попытка не забыть, что дышать — уже чудо. Для тех, кто ищет тишину среди шума.

Содержание

Откуда ноги растут	5
Деревушка	7
Деревенская дорога	9
Вопреки	11
С добрым утром	13
Сельский храм	15
Россия	17
Не выбирают и не судят	19
К Богу	23
Русь (Опять в тиши ночной)	26
Тройка	28
Россия	30
Чернь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Черновик вечности

Стихотворения

Даниил Кривель

© Даниил Кривель, 2026

ISBN 978-5-0070-6752-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Откуда ноги растут

Это не сборник стихов. Ну, то есть формально, конечно, сборник. Но по сути — это просто записная книжка, которую я таскал с собой последние несколько лет. Писал на обрывках, в телефоне, иногда на салфетках, когда в голову вдруг что-то приходило. Писал утром, когда ещё не проснулся, и вечером, когда уже не мог уснуть. Писал в поездах, в чужих городах, на даче, где нет интернета, и в бетонных коробках, где его полно, но нет ничего другого.

Здесь нет великих мыслей. Или есть, но я не знаю, великие ли они. Просто мне хотелось запомнить, как пахнет осенняя изба, как скрипит старый вокзал, как кто-то, кого ты любишь, молчит в трубку. И как всё-таки странно устроена жизнь — она то хлещет тебя по лицу, то вдруг гладит по голове, и ты стоишь и не понимаешь: плакать или улыбаться.

Я не поэт. Я просто человек, который иногда пишет стихи. Если вам покажется, что где-то слишком громко или слишком темно — простите. Это не я, это погода за окном или настроение, которое пришло и не ушло до утра.

Читайте медленно. Можно пропускать, если не заходит. Можно перечитывать, если вдруг зацепило. Эти стихи не требуют внимания — они просят тишины.

А я просто рад, что вы их открыли. Спасибо, что заглянули.

Ваш автор.

Деревушка

За рекой, где ракиты склонились к воде,
Где тропинка бежит по росе к лебеде,
Притаилась деревня в двенадцать дворов
Под присмотром седых от дождей топоров.

Пахнет хлебом и дымом из низкой трубы,
Стережёт тишину частокол у избы.
Кот на лавке свернулся ленивым клубком,
Занавеска колышется под сквозняком.

Только утки галдят, перейдя на брод,
Только старая бабка полощет омёт,
Только яблоко глухо упало в траву —
Нарушая полей полевых синеву.

Ни застав, ни вокзалов, ни спешки людской —
Лишь колодец с поникшей от влаги рукой,
Да дорога, петляя меж ржи и жнивья,
Говорит: «Здесь начало, а дальше — края».

Здесь и время другое течёт, как река:
Словно кружится в банке парного молока.
И, присев на крылечке в вечернюю тьму,

Понимаешь: ты дома, и рад самому.

Деревенская дорога

Вьётся лента в поле далеко,
Вся в ольховых кустах и осинках.
Где ты, юность моя, где ты, око,
что глядело в рассветные льдинки?

По утрам, когда росы легли,
босиком я бежал по проулкам.
А теперь — лишь пыль да кони
вдаль везут мои думы-заулка.

Ни гармошки, ни девок в платках,
всё затихло, забылось, остыло.
Только ветер в берёзовых ветках
всё по-прежнему плачет уныло.

Я бы вышел на луг у реки,
где когда-то пасли мы телят.
А теперь там одни камыши
да туманы на зорьке висят.

Может, где-то за дальней межой
друг мой старый в соломе не спит?
Только годы прошли полосой,

и никто уж под вечер не пьёт,
не поёт, не зовёт, не грустит.

Эх, дорога, ты пылью зовёшь,
ты зовёшь в те края, где всё было.
Но не вымолвить мне теперь ложь —
там осталась лишь та, что любила.

Занесло её время, как снег,
замело все следы под оконцем.
Только плачет в избе тусклый свет
над моим одиноким оконцем.

И стою я, гляжу в полутьму,
и не знаю, что делать мне с болью.
Только ветер поёт: «Пойми, пойму —
всё пройдёт, даже горькое поле».

Вопреки

Вопреки ноябрю и осенней тоске,
Вопреки застарелой и вязкой молве,
Что твердит: «Всё проходит, и ты проходи»,
Я скажу: «Посмотри, как горят впереди
Золотые огни, и дымится листва.
Это время ещё не сказало слова,
Это мы не допели последний куплет».

Ничего, что в карманах осталось монет
Только-только на хлеб да на кружку тепла.
Посмотри, как земля этой ночью спала,
А теперь пробудилась в росе и лучах.
Это значит — надежда ещё на плечах,
Это значит — мы будем смеяться и жить,
Кофе чёрный варить, огород ворошить,
Целоваться взасос под апрельским дождём
И не думать о том, что случится потом.

Сколько дали небесной в размытом окне!
Сколько света в случайной лесной тишине!
Даже если судьба подставляет подножку,
Я пою не в миноре, а лишь понарошку.
Настоящая музыка — это прибор,

Это шёпот травы над моей головой,
Это сердца упрямый, нестихнувший стук.

Не сдаётся ни поле, ни лес, ни мой друг.
И покуда над крышами кружит звезда,
Я твержу, как молитву: «Ещё не беда.
Это просто пауза перед рассветом,
Это мы согреваем ладони при этом
И улыбку храним, как в копилке пятак».

Будет всё хорошо.
Это именно так.

С добрым утром

С добрым утром, веснушки на стёклах трамвая,
С добрым утром, ворона на мокром столбе!
Я сегодня иду, ничего не решая,
Просто радуюсь солнцу, себе и тебе.

Дворник листьям сухим подметает дорогу,
Пахнет кофе из форточки старой «Шестёрки».
Я шагаю легко и шепчу понемногу
Все смешные, родные вокруг поговорки.

Никуда не спешу. Можно просто взглядеться,
Как синица качает рябины пучок.
Можно верить, что хватит на завтра нам сердца,
Что не кончится в кране воды кипяток.

И пускай в новостях непогода и драмы,
И пускай чьи-то тучи грозят с высоты, —
Я смотрю на девчонку с цветами у храма,
На собаку, что луже так рада до теплоты.

В этом всё: в беготне малышни по газону,
В хрусте булки, что ешь по пути не спеша.
Жизнь не требует залпа и крика с балкона.

Жизнь тихонько поёт. И поёт, как душа.

Сельский храм

Белый храм на пригорке, как облачный парус,
В синем море июльских, бездонных небес.
Здесь молитва течёт, словно тихая старость,
Здесь колодезный сруб пахнет влагой и лес.

Пахнет воском, доской, позолотой неброской,
Даже ветер у входа смиряет свой пыл.
Смотрит Богородица с грустью нежесткой,
Словно знает, что каждый уже позабыл,
Но пришёл поклониться без слов и без просьбы,
Просто сердцем припасть к тишине и огню.
И не надо ни денег, ни званий, ни злости —
Только «Господи, здравствуй, за всё я виню
Лишь себя, а не мир, что шумит за оградой».

А за окнами — поле, ромашка, шмели.
Ничего, кроме неба, для счастья не надо,
Лишь бы колокол тихо качался вдали.
Лишь бы ласточка в куполе видела гнёзда,
Лишь бы луч рисовал образа на стене.
Здесь не судят, не помнят, не вешают звёзды —
Просто любят тебя в этой вечной стране.

Выйдешь засветло в поле с душой обновлённой,
И покажется: кто-то погладил плечо.
Это Бог прошептал в тишине полусонной:
«Ты вернулся домой. И тебе хорошо».

Россия

Не глянец открыток, не золото башен,
Не гордый размах вековых городов —
Я знаю Россию по полю, что вспахано,
По скрипу телеги у старых мостов.

По тихим слезам матерей у калитки,
Чей сын не вернулся с какой-то войны,
По первой, несмелой и робкой улыбке,
Что прячут в морщинах сырые платки.

Здесь ветер гудит над бескрайним простором,
Здесь корни дубов вглубь земли проросли.
Не златом расшита, а болью, укором,
Печалью до самого края земли.

Мы помним, как падали, как поднимались,
Сквозь избы сгоревшие шли на восток.
Без хлеба сидели, но детям шептали:
«Терпи. Это Родина. Выдержим, Бог».

Великая? Спорят, хулят или славят,
Да только не меряют аршином живым.
Кто душу однажды на ней не оставил,

Тот вряд ли поймет, чем мы тут дорожим.

А я припаду к васильковому лугу,
Вдохну горьковатый полыни настой.
Моя ты надежда, подруга, супруга...
Я сын твой уставший, но всё еще твой.

И если наступит лихое столетье,
И небо затянет багровым огнем, —
Мы встанем плечом, мы за Родину встретим,
Мы просто молчания ей не простим.
Но если затихнет она, умирая,
Я сердцем услышу, как шепчет земля: «Сынок, я ведь с
вами. Я ваша, родная.
Я — вечная Русь. И я болью твоя».

И нет мне награды превыше и слаще,
Чем видеть, как солнце встает надо ржой,
И знать, что с тобой мы — и в горе, и в счастье,
Россия — мой вздох и мой выдох большой.

Не выбирают и не судят

Была ль страница горькой иль великой,
Победный гром иль горестная ложь —
Истории российской многоликой
Не вымарать страницы, не сожжёшь.
Она не черновик, чтоб править смело,
Не пыльный том, задвинутый во тьму.
В ней наша плоть, душа, живое дело,
И нам ли стыдно кланяться ему?

Не нам судить с надменностью потомков
Сквозь толщу лет минувшие года.
Внимай, как глух, раскатам дальних, громких
Шагов Петра, что строил города.
Услышь, как плачет Ярославна в поле,
Как Пушкин жив, покуда жив язык.
Всё это — мы. И в радости, и в боли
Корнями врос в историю родник.

А дальше — блеск. Имперские парады,
Фрегатов стать и менуэта шаг.
Здесь строили дворцы не за награды,
А чтоб врагам внушить священный страх.
Здесь век Екатерины — просвещение,

А век Александра — гроза и дым.
Здесь за Бородино просил прощенья
Весь мир, склоняясь пред штыком стальным.

Здесь бунт кипел — и Пугачёв в оковах,
И декабрист, в сибирской мгле седой.
Империя — в кровавых и суровых
Страницах, и в сиянии святой.
Здесь зрели зерна будущих падений,
И здесь же — взлёт науки и искусств.
Имперский дух — он выше треволнений,
Он соткан из противоречных чувств.

И вот он — век. Железный и бетонный,
Пропахший солидолом и золой.
Великий, сумасшедший, непокорный,
Где горе обживались со мечтой.
Где шли на фронт под стягом алым-красным,
Где тыл ковал победу у станка,
Где жили сердцем, яростным и страстным,
Хоть жизнь была порою нелегка.

Был первый спутник, первый крик Гагарин,
Был шёпот кухонь и стоянье в ряд,
Был тот Союз, что вдребезги ударил
И всё же дал нам космоса заря.

Была целина, были Магнитки,
Была надежда, равная беде.
Мы не сведём историю к попытке
Всё зачеркнуть в угрюмой суете.

В том времени не всё цвело парадом,
Но дед мой строил, бабка — хлеб пекла.
И нам сейчас другой судьбы не надо,
Чем та, что нас к сегодня привела.
Не выбросить из песни горькой ноты,
Не залатать провалы на бегу,
Ведь тот Союз — не чуждые широты,
А часть души на этом берегу.

Пусть спорят все, где тьма, а где святая,
Где правда горькая, где ложная вина.
Но родину, как мать, не выбирают.
У нас с тобой она всего одна.
И в том величие — не прятать взгляд смущённо
От трудных лет, от пройденных невзгод,
А помнить всех, кто в поле заснежённом
Ложился в землю, чтоб воскрес народ.

Цени её — не лакируй, не мучай,
Но и хулой пустой не оскорбляй.
Тот дом, где предки прожили свой случай,

Ломать — грешно. Его оберегай.
В ней наша стать, характер и основа,
Мороз и солнце, вера и гранит.
И чем суровой пройденное слово,
Тем крепче сердце память сохранит.

К Богу

О Ты, Кем движутся светила,
Кому безвестна смертных тень,
Чья длань Хаос преобразила
В торжественный и стройный день!
Не мрамор, не порфира тленна,
Но кротость Веры неизменна
Тебе воздвигли в нас олтарь.
Сквозь бездну звезд, сквозь мглу эфира
Внемли смиренный глас Псалтира,
Прими хвалу, Небесный Царь.

Се Иисус — Предвечно Слово,
Агнец, закланный за род.
Сняв бремя ига Ветха, злаго,
Он вводит смертных в Горний Свод.
Не громом средь Синайской бури,
Но в тихой Галилейской фуре,
Смирняя гордость и мечты,
Учил Он мытарей прощенью
И даровал нам во спасенье
Завет Любви и Чистоты.

Блюди же, Росс, ту веру свято,

Что греки древле принесли
В брега Днепровы от заката
Фаворским светом по земли.
Вот Православие — твердыня,
Вот наша честь и благостыня,
Вдовиц утеха, сирых щит.
Не лесь царей, не блеск короны,
Но тихий звон во время оно
В веках Отечество хранит.

А вы, хулители суровы,
Мнящие разумом объять
Сиянье Истины Христовой,
Тщитесь по-прежнему опять
Рассечь перстом морские хляби
Иль исчислять песчинки в злаке!
Безумно прю с Творцом ведет,
Кто в гордости слепой не внемлет,
Что токмо Вера мир объемлет
И к Горним Селам нас ведет.

Доколе солнце над полями
Российски нивы золотит,
Доколе храм златыми льдами
Над стогной северной блеснит,
Хвала Тебе, Царю вселенны,

В молитве теплой вознесенной!
Тобой живет и град, и весь.
И в час, когда погаснут очи,
Да внидет дух мой в белы ночи,
Где Свет немеркнувший и днесь.

Русь (Опять в тиши ночной)

Опять в тиши ночной, над сонною рекой,
Горит звезда, как лампада у входа.
Стоишь ты, Русь моя, с поникшей головой,
Владычица и бедная народа.

Твои леса шумят, как встарь, до облаков,
Твои поля — раздолье ветру в чистом.
И нет числа твоим путям из-под веков —
Волоку, кочевью иль городищу с огнищем.

Бывало, кликнул вдруг полуденный набат,
И сыплются дружины из ворот,
И каждый твой поклон — земли небесный брат,
И каждый вздох — разбойник или чудотворец.

Но кто ж измерил, мать, твою глухую страсть?
Кто перечёл слёзы и думы?
Глядит, как ты должна и падать, и пропасть,
Да подыматься — всё в веригах шумных.

Не счесть твоих крестов, не вынуть из груди
Той боли, что поёт в тоске бескрылой.
Всё тот же путь: иди — в метели впереди,

За вожжи взявши Божью силу.

А по ночам — не то медведь, не то разбой —
Вздохнёт в глухом овраге, смолкнет в поле.
И ямщики поют про белый саван твой,
И тройка тонет в белом своеволье.

И нищему — здесь рай, здесь каждый камень — плоть,
Здесь изба-божница, где старость правит.
Ты учишь плакать и прощать, и не роптать,
И умирать... А камень не расплавишь.

Довольно! Не гневи летейского берега.
Пусть пусто вокруг — но звонарь не устал.
Земля моя — от Югорского снега
До тех степей, где Запорожец падал.

Звезда горит. И слышу в тишине:
«Готовь кафтан, седлай коня, детина:
Чу — стон в Кремле? Чу — голос на стене?

То будит Русь Мороз-воевода до полуночи. А завтра —
Русь единая».

Тройка

Что ты ржёшь, моя хриплая тройка?
Что звенит твой разбитый колоколец?
Иль почудился в поле разбойник,
Иль явился неожиданный скупец?

Нет, не воры, не черти с болота —
Мать-Россия, глухая страна:
Вместо золота — серая рвота,
Вместо счастья — кручина одна.

Ямщик, братец, не пой об удали,
Не трави мне наболевшую грудь.
Нас с тобою в глуши растасовали
И велели до смерти тонуть.

Вон в овраге деревня сгорела,
Бабы были три ночи подряд.
А приехал начальник из дела —
Мол, во всём виноват лишь уряд.

Эх, дорога! Ни складу, ни ладу,
Ни столба, ни конца, ни гвоздя.
Я давно позабыл, как отраду

Мне шептала в люльке родня.

Позвоночник звенит от ухабов,
Кнут свистит, словно змей над землёй.
Хоть ты тресни, холопского раба,
Всё равно никто не назовёт свой.

Только месяц в дыму над просёлком —
Как обгрызенная кость.
А под полым, промёрзшим подолом
Кто-то шепчет: «Россия, не брось».

Россия

Ещё в полях белеет снег,
Ещё туман над синей далью,
Но уж весенний первый бег
Звенит расплавленной эмалью.

Тебе ль, в венце из бурь и гроз,
Склонять чело пред тихой долей?
Ты шла путём тяжёлых слёз
По ниве, вспаханной неволей.

В твоих лесах — былой разлад,
В твоих церквах — смиренный пламень,
Но сердцем русский человек —
Как твой бескрайний, тёмный камень.

Идёшь ли в стяге золотом
На бой за веру и державу,
Иль стонешь под лихим бичом,
Теряя юношу и славу, —

Всё та же доля, та же гладь

В зыбях полей необоримых.
Тебе и жить, и умирать
Среди просторов нелюдимых.

Не раз тебя звала на пир
Чужая выюга, стая вражия,
Но выше всех земных кумиров
Твой крест, да колокол, да пажить.

И чудится: в глухой ночи
Из ветровых степей и ржищи
Встают князей былых мечи
Иль тени каторжников ищущих.

Молчи ж, как мать, в своей тоске,
Качай сынов на рубеже веков.
Гори, остывая, на востоке,
Нищая в лохмотьях, но в венце веков.

Чернь

Очнись, певец! Что дремлешь в сладкой лени.
Уж площадь ждёт, уже ревёт базар.
Сними с души измятые ступени
И поднеси толпе свой лживый дар.

Она кричит: «Мы голодны, мы наги!
Мы жаждем правды, хлеба и огня!
А ты твердишь про розовые влаги
И про луну, что светит для меня».

Зачем им стих? Им надобна не муза —
Им петля нужна да кусок казны.
Они сотрут святого союза
Следы с утоптанной плиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.